

Annotation

Отряд туранцев под командованием Конана, спасаясь от преследующих их ягов, попадает на поле синих маков, которые усыпляют людей смертельным сном. Конана спасает ворон, священная птица киммерийцев — ему удается разбудить своих воинов, и они выбираются с проклятого поля.

- [Михаил Ахманов](#)

о

Михаил Ахманов

Синие маки

(под псевдонимом Майкл Мэнсон)

Силы почти оставили его. Уперев ноги в землю и напрягая мышцы, Конан снова и снова пытался оторваться от предательского монолита, от этой пленившей его железной колонны. Тщетно! Чудилось, еще немного, и вздувшиеся, словно корабельные канаты, мускулы варвара преодолеют силу чар, и тяжелое тело оторвется от темной полированной поверхности; однако странное колдовство, которое держало его здесь, всякий раз оказывалось сильнее.

Со всхлипом протолкнув воздух в горящие легкие, Конан вывернул шею и уставился вверх - на медленно сползающий по гладкому боку монолита полупрозрачный студень.

– Сэт забери проклятого этого Фенга! - выругался он сквозь зубы. Широкий лоб киммерийца покрыла испарина, доспех, словно живой, медвежьими объятьями давил на грудь, а руки и ноги будто бы обратились в тяжеленные бревна.

Конец! - промелькнула в голове Конана мысль. Зарычав от ярости, он погнал ее прочь. Если б у него было хоть несколько мгновений, чтобы дать отдых уставшим мышцам! Если б проклятый панцирь не сжимал стальным обручем его ребра! Тогда бы он, пожалуй...

Нож! - вдруг всплыло у него в памяти. Где-то тут должен быть нож!

С трудом ворочая головой под тяжелым шлемом, Конан вновь принял озираться и вскоре обнаружил ржавый клинок, прилипший к колонне неподалеку от его правого локтя.

Так! Теперь осталось лишь протянуть руку... Медленно, точно продавливая каменную стену, варвар ухитрился сдвинуться чуть в сторону, пока наконец непослушные пальцы не сомкнулись на шершавой рукояти ножа. Закусив губу до крови и стараясь не обращать внимания на зловонный запах надвигавшейся сверху твари, Конан осторожно потянул нож к себе.

С сухим треском острый кончик отломился, однако большая часть лезвия вместе с рукоятью осталась в руке у киммерийца. Сердце его возликовало! Заставив себя не глядеть вверх и не думать о том, что скользкие щупальца стерегущей монолит твари уже жадно ощупывают навершие его шлема, Конан начал яростно кромсать ремень, скреплявший нагрудник с остальной частью доспеха.

Но крепкий кожаный ремень упорно сопротивлялся его попыткам. Он был прочен, как якорная цепь! Не веря собственным глазам, Конан вновь и вновь царапал его ржавым лезвием, но на темной, покрытой сеткой морщин поверхности кожи всякий раз оставался лишь какой-то рыжий порошок: пыль - не пыль, труха - не труха...

– Кром! Да что же это? - заорал он, терзая непокорный ремень, и немедленно в голове сложился ответ - как будто кто-то, с ехидной ухмылкой наблюдавший за его усилиями, решил подсказать, в чем дело. Несомненно затем, чтобы гнев его, отчаянье и муки усилились еще больше!

– Это стирается твой нож, твой ржавый нож, - услышал ошеломленный киммериец. И правда: только сейчас он заметил, что проржавевшее стальное лезвие постепенно истончается, тает, как утренний туман, превращаясь в неровную дорожку бурого порошка...

Заревев, словно смертельно раненный буйвол, Конан отбросил в сторону бесполезное орудие и титаническим рывком едва не выворотил столб из земли. Но было поздно: ядовитая

тварь мутным водопадом стекла ему прямо на лицо, залепляя глаза, рот, уши, ноздри белесой слизью, жгучей, словно кипящая смола. Захлебываясь собственным криком, Конан вонзил внезапно освободившиеся руки прямо в облепившую его мутную жижу и... проснулся.

* * *

— Господин, эй, господин! — кто-то тряс его за плечо. — Что случилось? Что с тобой, во имя Митры?

— Ничего, — буркнул Конан, чуть приоткрыв глаза и, убедившись, что перед ним всего лишь десятник Джалай-Арт.

— Плохой сон, — добавил он, переворачиваясь на спину и зевая во весь рот. — Чего только не приснится в этих поганых горах! Уже рассвело?

— Да, господин. Рассвет, как задница Нергала — серый и холодный... — осунувшееся и потемневшее от усталости лицо Джалай-Арта болезненно сморщилось, но Конан, не дав ему открыть рот, тут же приказал:

— Поднимай людей, ослиный хвост! Нам уже давно пора в седла. Шатры и мешки бросить, на коней, и деру! Иначе все будем у Нергала в заднице!

— Но, господин, люди измотаны... — Из всего отряда наемников, подчиненных Конану, один лишь Джалай-Арт, правая рука и верный помощник, осмеливался иногда спорить с ним. Обычно киммериец относился к этому с философским спокойствием — на то он и помощник, чтобы изредка шевелить собственными мозгами, однако ночной кошмар не располагал к спорам. Пожалуй, для сегодняшнего утра это был бы явный перебор.

С трудом подавив разгоравшийся гнев, Конан уперся в лицо десятника синими льдинками глаз и прощедил сквозь зубы:

— Делай, как велено! В седла! Всем! И пусть эти потомки псов поторапливаются — если не желают, чтоб яги украсили свои норы их головами!

— Я подниму людей, — покорно сказал Джалай-Арт и исчез.

Какое-то время до слуха Конана долетал лишь мягкий топот его сапог да отдаленное ржание встревоженных скакунов.

— Вот и отлично, — прорычал киммериец, поднимаясь на ноги.

По счастью, Джалай-Арт не был упрямцем — иначе он и не задержался бы в отряде Конана надолго. Десятник всегда выполнял приказы своего капитана, убедившись пару раз, что тот всегда настоит на своем — не словом, так кулаком.

Однако за исключением преданного помощника да послания к туранскому властелину, спасенного из паучьих лап предателя Фенга, похвастать Конану было нечем: третий день он уводил свой отряд от преследовавших их ягов, и только благодаря счастливой судьбе ему удавалось пока что избегать открытого сражения. Яги, о коих рассказывал ему Фенг, были страшным народом, племенем дикарей и охотников за головами, и горы свои они знали как пять пальцев.

К сожалению, привыкшие к степным просторам туранские скакуны не могли быстро двигаться по извилистым и крутым горным тропам, в то время как яги, и в глаза не видевшие зверя крупней горных коз, они одним им неизвестными проходами да ущельями, ухитряясь

не только не отставать от всадников, но даже нагонять их. Быть может, уставшие и вконец измотанные солдаты Конана не ощущали тревожного напряжения, но сам он с каждым утром чувствовал, что враг подходит все ближе и ближе. И становится все нетерпеливой и опасней.

Вот и сейчас, глотнув вина из фляги и опоясавшись мечом, Конан подозрительно зыркнул вдоль нависавших с обоих сторон угрюмых зубцов скал, как будто там, за каждым из камней, затаилось по дюжине кровожадных разбойников. Убедившись, что его самые худшие опасения пока не оправдались, он потянулся и подставил грудь налетевшему в долину холодному горному ветру. Свежий, пахнущий снегом воздух моментально взбодрил его; киммериец с наслаждением почувствовал, как последние остатки ночного кошмара выветриваются из головы, а мышцы, онемевшие от бесконечной скачки, наливаются силой. Однако нечто неуловимое, повеявшее над ущельем, опять заставило его наморщить лоб. Конан вновь принялся втягивать в себя утренний морозный воздух, но на этот раз уже совсем по-другому - не смакуя, а принюхиваясь, словно огромный охотничий пес. Постепенно лицо его становилось мрачнее грозовой тучи.

Да! Определенно так! Сегодня воздух пах не только снегом и жухлой травой; вместе с этими безобидными ароматами горный воздух принес еще три явственно различимых запаха - вонь овечьих шкур, смрад давно немытого человеческого тела и запах стали.

- Пошевеливайтесь, ублюдки! - взревел Конан, взмахом фляги подгоняя своих солдат. - Яги у нас на хвосте! Трубить сбор, сворачивать лагерь, и в седла!

- А пожрать, капитан? - проорали в ответ десять сиплых глоток.

- На Серых равнинах пожрете, - хмуро пообещал Конан и вскочил на подведенного ему угольно-черного жеребца.

Над лагерем туранцев повисла тревожная трель боевого рожка.

* * *

Яги атаковали отряд на закате. Когда вереницы шатавшихся от усталости людей и лошадей втянулась в узкое, словно игольное ушко, ущелье, воздух над ними вдруг огласился оглушительным и леденящим кровь воем, который тут же подхватило гулкое горное эхо. Ошеломленным туранским всадникам, еле справлявшимся с испуганными лошадьми, показалось, что это вопит само ущелье - каждая скала, каждый камень, каждый чахлый куст. Однако тут же, перекрывая этот страшный вой, в уши туранцев ворвался яростный рык их командира.

- Спешиться и стать в две шеренги! - орал черноволосый великан, потрясая огромным мечом. - Спешиться, дермоеды, или они передавят нас здесь как тараканов!

Мускулы превосходно вымуштрованных туранских лучников повиновались приказу раньше, чем головы. Слетевшие с седел солдаты еще не осознали, что делают, а руки их уже тянулись к набитым в колчаны стрелам, глаза обшаривали стены ущелья в поисках возможных мишеней.

И мишени не заставили себя долго ждать. Облепившие верхушки скал яги лавиной устремились навстречу туранцам, перепрыгивая с камня на камень, будто горные бараны. Грязные одеяния из скверно выделанных овечьих шкур, надетых мехом наружу, еще больше

увеличивали это сходство.

– Приготовиться! – вновь раздался над ущельем рев Конана. Оттягивая до уха тетивы тяжелых гирканских луков, наемники проворно разобрали цели. Только Джалаи-Арт пантерой метался с фланга на фланг выстроившегося в две линии отряда, выкрикивая нерасторопным свои указания – не столь громкие, но подкрепленные ударами плети. Бегал он шустро; перед боем всю усталость у десятника как рукой сняло.

– Стрелять по моей команде! – проорал Конан и ненадолго смолк, поджиная, пока спускающиеся по скалам горцы не приблизятся на самой убойное расстояние – шагов на сто, когда стрелы туранцев будут разить насмерть. Наконец он рыкнул: – Ну, покажем этим грязным ублюдкам! Бей!

Вздох от десятков одновременно спущенных тетив пронесся над ущельем и канул в вечернее небо. Затем пошел дождь – а, точнее, град из завернутых в бараньи шкуры трупов. Изуродованные после ударов об острые камни тела ягов сыпались вниз, наваливая перед лучниками что-то вроде бруствера; а те, опьянев от запаха крови, продолжали стрелять, будто очарованные магическим заклятьем. Они были отличными бойцами, эти туранцы, особенно когда дело доходило до стрельбы. Любой мальчишка из долины Ильбарса умел выпускать из лука вторую стрелу, когда первая еще находится в полете, а в свой отряд Конан набирал не мальчишек, только самых опытных воинов. За те короткие мгновения, пока яги спускались вниз со своих каменных насестов, каждый лучник умудрился расстрелять половину колчана, уложив, как минимум, троих-четверых дикарей. Раненных в этой бойне почти не было; карабкаться по скалам, получив стрелу длинной в три локтя в руку или ноги, не сумели бы даже привычные к горам яги, и потому они достигали дна ущелья в самом плачевном виде. Эти, помеченные туранскими стрелами, если с кем и могли сражаться, так только с тенями на Серых Равнинах, в царстве Нергала.

Однако неоспоримым преимуществом горцев в этом сражении оставалось их численное превосходство. Невзирая на страшное опустошение, производимое лучниками, они все прибывали и прибывали, хладнокровно скатываясь вниз, словно огромные мохнатые муравьи.

Вскоре туранцам пришлось отложить луки и взяться за мечи. Но и теперь, когда смертоносный ливень стрел прекратился, воспрянувших духом дикарей ждало разочарования. Оказавшись в западне, туранские наемники вознамерились дорого отдать свои жизни. Конечно, силы их постепенно таяли, но и бруствер из мертвых ягов заметно подрос в высоте. Предводитель же наемников, черноволосый гигант, словно тростинкой вращавший огромным мечом, нагромоздил целую гору трупов. Однако желающие схватиться с ним – один на один или всем скопом – еще не перевелись, ибо его голова стала бы ценнейшим трофеем для любого из воинов гор. Но пока что всякий, подобравшийся к великанию на расстояние удара клинка, расставался с собственной головой.

Зашло солнце, но в наступивших вечерних сумерках бой продолжался с неутихающей силой. Ягов, не ожидавших такого упорного сопротивления со стороны изнеженных жителей равнин, постепенно охватывало уныние, а отчаявшиеся было туранцы уверились, что Митра с ними и до победы уже недалеко. Теперь они медленно, но верно прижимали ягов к стенам ущелья, а те, увидев, что в битве случился перелом, дрались все менее охотно. Их леденящих душу боевой клич, похожий сперва на завывание вырвавшейся с Серых Равнин стаи демонов, звучал сейчас скорее как вой побитой собаки.

И когда черноволосый вождь туранцев, рубившийся с яростью берсека, описал мечом

стремительную дугу и снес головы троим противникам сразу, яги оцепенели. Несколько мгновений они в ужасе следили за тем, как, орошая камни фонтанами крови, корчатся в агонии обезглавленные, как подгибаются их колени и гаснет взор; затем молча бросились бежать. Они мчались кто куда; одни - вдоль ущелья, другие искали укрытия в скалах. Немногие из туранцев, схватив луки, посыпали им вслед стрелу за стрелой, но большинство, обессилен, повалились на землю. И только их капитан, залитый кровью с головы до ног, продолжал размахивать огромным мечом и изрыгать жуткие проклятья вслед убегающим дикарям.

* * *

— Джалай-Арт! — ревел Конан. — Где тебя демоны носят, вислозадая черепаха?

— Я здесь, господин, распоряжался насчет раненых, — словно бесшумная тень, десятник мгновенно возник у его левого плеча. Однако даже в запарке после отгремевшего сражения помощник Конана не забывал о субординации. Он встал так, как положено: сбоку и чуть позади своего капитана, чтобы не закрывать ему вид на заваленное трупами ущелье.

— Потери? — с хмурым видом поинтересовался Конан.

— Пятнадцать пошли к Нергалу, двое вот-вот отправятся туда же, а семеро, коль будет милость Митры, выживут, — сообщил Джалай-Арт, будто зачитывая невидимый список. — Лошади разбежались.

Заслушав этот короткий доклад, киммериец только хмыкнул и в задумчивости потер переносицу.

— Что ж, неплохо, — промолвил он наконец. — Я думал, нас сметут начисто... Ну, вели трубить сбор, Джалай! Раненых пусть перевяжут. И соберите стрелы...

— Уже собираем, — вставил Джалай-Арт, но Конан, сердито зыркнув на него, заставил помощника смолкнуть.

— ...соберите стрелы да отправьте кого-нибудь поискать лошадей. Как только их пригонят, мы немедленно уходим с передовым отрядом! А яги — мстительные твари! Когда остальные увидят, какую бойню мы учинили, то станут преследовать нас до самого Аграпура... — Киммериец потянулся, словно огромный кот, и с лязгом бросил меч в ножны.

— Да, и еще... Бурдюк вина и... — Наконец он заметил, во что превратились его меховая куртка и штаны, залитые кровью. Тут Конан снова взревел как разъяренный бык: — Ради Крома! Еще найди мне какую-нибудь другую одежду, Джалай!

— Слушаюсь, господин! Что-нибудь еще, мой господин?

Киммериец обернулся и с подозрением глянул на Джалай-Арта, но не заметил и тени насмешки на его посеревшем от усталости лице.

— Нет, это все, — буркнул он.

Отрывисто отдав воинский салют, Джалай-Арт исчез, как всегда бесшумно, и Конан тут же забыл о нем. Внимание его овладело более любопытное зрелище, чем заваленное трупами ущелье, — медленно кружившее над горами черное пятно.

Хмм! Конан прищурился, стараясь в неярком свете восходящей луны разглядеть парящую в вышине птицу. Орел? Но почему черный? Может, гриф? Нет, для грифа все же

маловат... Неужели ворон?

Киммериец удивленно присвистнул. Если это и в самом деле был ворон, то совершенно гигантских размеров...

Но тут огромная птица, словно заметив, что человек, задрав голову, пристально смотрит на нее, с хриплым карканьем скрылась за вершиной ближайшего утеса.

* * *

— Странно, — заметил покачивающийся в седле Джалай-Арт, — почему эти недоумки не сбросили на нас десяток-другой хороших валунов? Сделай они так, и передавили бы нас, будто слизняков.

— Ослиная башка, — беззлобно ругнулся Конан, — им же нужны наши головы! Ну, и еще кони, само собой. Выходит, коли б эта мразь скатила на нас камни, то и кони, и головы здорово бы попортились... — прервав свои размышления, киммериец жадно впился зубами в сухую лепешку, которую он держал в руке.

Немедленного ответа со стороны Джалай-Арта не последовало, потому что в этот момент он был занят тем же самым, с удивительной быстротой поглощая свою порцию хлеба.

— Ну, хорошо, — согласился он наконец, перестав жевать, — насчет наших голов я спорить не стану. Но зачем этим вонючим выродкам наши кони? По горам с ними не полазаешь... Конечно, можно их продать, но я никогда не слышал, чтоб яги с кем-либо торговали.

— Угм! — Конан съело рыгнул и ткнул в сторону собеседника кулаком. — Зачем продавать то, что можно потребить на месте?

— Потребить? Это как — потребить? — удивленно переспросил десятник.

— А очень просто, — ответил варвар, откинувшись на высокую луку седла, — разрубить, пожарить и сожрать. Я сам не раз так делал.

— Сожрать? Коней? — Джалай-Арт смотрел на Конана с явным ужасом, но того это лишь забавляло... — Как? такой грех перед лицом Митры! И что же... — десятник наклонился и ласково похлопал по боку своего тонконогого чалого скакуна, — и моего Аккаля тоже... съесть? — последние слова он произнес с явной дрожью в голосе.

— Конечно. И твоего, и моего, и всех остальных! Приличной дичи в этих горах нет, здесь и трава-то толком не растет, а потому что ж еще делать голодным ягам? Что, если уж очень хочется отведать мясца? — ухмыльнулся Конан. Он-то прекрасно знал, что любой туранец в голодных краях скорее съест собственную руку, чем дотронется до своего коня. Впрочем, и до чужого тоже.

— Ах вот как! — гневно воскликнул Джалай-Арт. — Теперь я все понял! Значит, этим пожирателям грязи мало козлов да баранов? теперь им еще коней подавай? Или всех баранов они перевели на вонючие шкуры?

— Туранцы почтают своих коней, — рассудительно произнес Конан, — а яги — своих баранов. Так что эти вонючие шкуры для них — огромное богатство! Ведь их содрали с самых сильных, самых мудрых, самых удачливых баранов — тех, кто доживает до старости...

— Тогда надо вернуться и сжечь эти шкуры, пока яги не вошли в ущелье и не обрели

опять свои сокровища! - злобно выкрикнул Джалай-Арт.

— Не трудись, — покачал головой Конан. — Сегодня удача от них отвернулась, и надеюсь, что надолго. Ни один яг больше не оденет несчастливую шкуру, пробитую нашей стрелой. — Он помолчал и добавил: — Ну, теперь ты понял, почему яги не стали сбрасывать на нас камни?

— Все равно не понял, господин, — угрюмо отозвался Джалай-Арт. — Что за разница, в каком виде они получат наших коней — живыми или дохлыми?

— О, Кром! — вздохнул Конан. — Никогда не стать тебе хорошим командиром, Джалай, ибо видишь ты не дальше собственного носа. Что ж они, по-твоему, должны на спинах волочь эти конские туши до своих деревень?

Джалай-Арт замолчал и насупился; видно, представлял себе плотоядно ухмылявшихся ягов, волокущих по скалам разрубленную на куски тушу его жеребца.

— Что в самом деле скверно, — сказал он наконец, — так то, что нам пришлось бросить снаряжение и большую часть припасов. Я понимаю, с таким грузом мы бы далеко не ушли, но в этих проклятых горах в самом деле не водится никакой дичи. Так что, — Джалай-Арт показал взглядом на остаток лепешки, которую киммериец все еще сжимал в кулаке, — придется нам обойтись без мяса...

Конан в ответ только печально вздохнул.

— Кром! Что ж, перебьемся, — заметил он. — Надеюсь, завтра нам удастся проскользнуть за перевал, а там рукой подать до турецких границ, — стянув шлем, Конан рассеяно пригладил свою всколоченную черную гриву. — А коль мы не успеем удрать, то смерть от голода нам не грозит — яги нас догонят и прикончат. Вместе с лошадьми!

— Но стоит ли из-за этого отказываться от куска мяса на ужин? — Джалай-Арт внезапно перешел на заговорщицкий тон. — Скажи, ты готов попробовать запеченную на угольях ворону? Только я и ты, мой господин — никто из наших голодных дермоедов ничего не узнает...

Десятник неспешно вытянул из колчана стрелу, и только сейчас Конан разглядел, куда он собирается стрелять.

— Знаешь, капитан, — продолжал откровенничать Джалай-Арт, натягивая тетиву, — когда я совсем мальчишкой служил у старого князя в Хаурене, в голодные годы я этих ворон едал сотнями...

Однако Конан молча положил тяжелую ладонь на плечо Джалай-Арта, заставив туранца опустить лук.

— Ты что же, господин, — переспросил удивленный десятник, — не хочешь, чтобы я подстрелил эту ворону?

— Ворона, а не ворону. И ты не будешь стрелять в него, — Конан внимательно посмотрел на огромную птицу, облюбовавшую валун чуть в стороне от тропы.

— Мой народ, — сказал он серьезно, — верит, что вороны — птицы Крома, и поэтому мы никогда не обижаем их. Для тебя, туранца, священны кони, а для меня — вороны, и пусть этот летит с миром. Вороны — мудрые птицы, Джалай-Арт!

Словно подтверждая слова киммерийца, огромный ворон пронзительно каркнул, расправил крылья и, спрыгнув с валуна, полетел вдоль ущелья, медленно набирая высоту.

Джалай-Арт оторопело наблюдал за ним, потом рассмеялся и спрятал лук.

— Ну и шутник же ты, господин мой! — произнес он. — Выходит, мы, туранцы, молимся на своих лошадей, яги — на баранов, а твой народ, безжалостные воины севера — на ворон? —

Десятник вновь захотел и похлопал своего скакуна по шее.

На этот раз Конан не нашелся, что сказать ему в ответ.

* * *

Перевал давался туранцам тяжело. Хоть к ночи число раненых поуменьшилось - двое из них умерли, не выдержав изматывающего перехода - нести остальных по заваленной каменными обломками извилистой горной тропе, да еще тянуть упиравшихся лошадей, было выше сил человеческих. Только черноволосый предводитель, казалось, не чувствовал ни голода, ни усталости. Словно на крыльях носился он вдоль растянувшегося цепью отряда, подбадривая тех, кто еще мог выдерживать заданный ритм, и подгоняя бранью отстающих. Однако с наступлением темноты, когда измотанные солдаты уже не ползли в гору, а скорее топтались на месте, Конану стало ясно, что без ночлега и ужина этот затяжной подъем окончательно доконает его людей. Сердито сдвинув брови, он приказал остановиться и разбить лагерь.

Ночью, за исключением того, что двое раненых туранцев, как уже говорилось выше, ушли на Серые Равнины, ничего особенного не случилось. Но когда с рассветом отряд снова тронулся в путь, Конану начало казаться, что его солдаты идут еще медленнее, чем вчерашним вечером. Теперь на них уже не действовали ни уговоры, ни угрозы - словно зомби, туранцы тащились в гору, механически переставляя ноги и время от времени подергивая удила бредущих в поводу коней.

Окажись они в этой холодной глуши одни, с этим еще можно было бы примириться; отряд потихоньку миновал бы перевал, после чего воины отогрелись бы на солнце, да и идти под гору уже гораздо легче. Но, вместе с первыми лучами встававшего из-за горы вершин светила, появились и яги. Конан убедился в этом собственными глазами, когда залез на высокий каменный столб в том месте, где взбегающая к перевалу тропа делала плавный поворот. Заметив, что с макушки выбранного им утеса хорошо просматривается нижняя часть тропинки, киммериец велел солдатам не ждать его, устроился на заснеженной скале и вперил взгляд в петлявшую меж серых каменных глыб коричневую ленту.

Как он и думал, за ночь горцы почти догнали их. Однако он не мог предположить, что такие толпы народа сумеют быстро и слажено продвигаться по узким горным тропам. Сидя в своем укрытии, Конан насчитал не менее трех сотен воинов, принадлежащих, как ему показалось, не одному, а сразу нескольким кланам. И хотя племена ягод нападали не только на подозрительных иноземцев, забредших на их территорию, но и грызлись друг с другом, на сей раз они выступили вместе. Вероятно, враждовавшие меж собой кланы объединились, чтобы отомстить дерзким чужакам, посмевшим ответить ударом на удар.

Конан слезал со скалы с упавшим сердцем. Если его отряд до полудня не успеет уйти за перевал, то яги сотрут в порошок горстку его обессиленных бойцов... сам-то он, понятное дело, ускользнет, ибо письмо владыки Кусана должно быть доставлено повелителю Илдизу любой ценой, но и ему придется несладко. Скрываться от жаждущих крови ягов в этих горах, где из знакомы каждый камень и каждая расщелина, весьма рискованное занятие... Решив, что мера эта - крайняя, и до того он постарается сделать все, что надо, для спасения своих

людей, Конан повернулся спиной к орде ягов и легко запрыгал по камням вверх - нагонять ушедшую вперед туранский отряд.

* * *

И все-таки его туранцы, крепкая кость, совершили невозможное! Яги догнали отряд, когда перевал был уже пройден и до свободных от валунов и камней земель, до степи, пригодной для передвижения верхом, осталось всего ничего. Вид валившей сзади орды подстегнул туранцев; они удвоили свои усилия, но зато яги, разглядев наконец так долго ускользавшую от них добычу, просто осатанели. Со звериным рычанием они обрушились вниз по склону, будто вообще не касаясь камней ногами.

Но удача все же не оставила измученных туранских наемников. Миновав последний поворот петляющей тропинки, они вышли к травянистому откосу, убегающему к самой подошве горного хребта. Откос этот вполне годился для передвижения верхом и, испустив слитный торжествующий крик, лучники тут же попрыгали в седла. Вопили они еще и потому, что склон горы вел прямо к полноводной реке, широким ярко-синим шарфом охватившей подножие хребта.

Крича от восторга, солдаты пришпорили коней, но тут же трубный голос Конана перекрыл шум - и людские вопли, и лязг оружие, и топот копыт.

– Все за реку! - ревел киммериец, вздымая на дыбы своего вороного жеребца. - Если мы переправимся на другой берег, эти отродья шакалов пожалеют, что родились на свет!

Настегивая измученных лошадей, туранцы вихрем устремились к реке, и только Конан, придержав коня, остался в арьергарде. Не из-за того, что эта блестящая под солнцем синяя лента показалась ему подозрительной, и уж совсем не потому, что желал сберечь силы своего скакуна; маленькое черное пятнышко, неторопливо плывущее в безоблачном небе - вот что было истиной причиной его замешательства.

– Неспроста это, определенно неспроста, - пробормотал киммериец и, ударив вороного пятками в бока, погнал его вниз по склону.

Окрыленные надеждой уйти от погони, туранцы постепенно отрывались от ягов, но едва отряд достиг того, что с вершины горы казалось речным берегом, среди всадников послышались крики досады. Чуть колыхаясь под свежим утренним ветерком, перед ними простиралась широкая полоса ярко-синих цветов; во всем, кроме цвета, походили она на обычные маки, что часто растут в предгорьях. Но кони туранцев фыркали и не хотели идти вперед; их чуткие ноздри втягивали источаемый цветами густой медвяный запах, глаза подозрительно косились на этот странный поток, где вместо капель влаги склонялись под ветром чашечки синих маков.

То понукая, а то уговаривая лошадей, туранские лучники все же заставили их войти в цветочную реку. Кони, однако, вдруг порастеряли всю свою ревность; удалившись от горного склона на бросок копья, они поплелись шагом. Только огромный жеребец Конана, казалось, не утратил сил и быстро нагонял пересекающий полосу маков отряд.

Настегивая лошадей, туранцы крутили головами, оглядывались, пытались определить, успеют ли до подхода ягов преодолеть этот поток, так не понравившийся их скакунам.

Однако причин для беспокойства вроде бы не было, скорее, наоборот: неумолимо надвигавшаяся орда горцев вдруг остановилась, а затем яги повернули вспять, один за другим скрываясь за седловиной перевала.

Остановились и туранские лучники, сначала не веря своим глазам. Но все больше и больше горцев, повернувшись к ним спиной, устремлялись назад, к перевалу, и туранцы наконец поняли: погоня прекратилась. И тогда из солдатских глоток вырвался такой оглушительный рев, что содрогнулись и горы, и степь, и, казалось, само небо. Вслед отступающим ягам градом посыпались проклятия и насмешки.

Наконец, изрядно натрудив глотки, туранцы развернули коней и не спеша устремились к дальнему концу полосы синих маков. Они ехали на запад; полуденное солнце ласково припекало им спины, а одуряющий цветочный аромат настойчиво был и ноздри.

— После этой гонки по горам я готов упасть и уснуть прямо здесь, — сказал Джалай-Арт, направив своего коня к едущему впереди Конану. Лицо киммерийца было по обыкновению мрачным, и глубокие морщины рассекали его загорелый лоб.

— Опять чем-то расстроен, мой господин? — участливо спросил десятник. — Но ведь все закончилось хорошо... все хорошо, хвала Митре!

— Слишком хорошо, — перебил Конан. — Я до сих пор не понимаю, отчего яги выпустили нас... А чего я не понимаю, того страшусь! — Выпустив из рук поводья, он вдруг с хрустом потянулся и протяжно зевнул.

— Чего ж не понять, господин, — проговорил десятник, потирая слипающиеся глаза. — Яги, шакалы и трусы побоялись гнаться за нами в степи... испугались наших стрел... Ааххха... — Он тоже зевнул.

— Не думаю, — возразил Конан, но без прежнего задора. — Может, они чего и испугались, да только не нас... Чего-то другого...

— А чего? — сонно спросил Джалай-Арт. — Клянусь Митрой, здесь одна трава да цветы... синие, как воды Вилайета... Чего тут пугаться? — с трудом ворочая головой, десятник окинул взглядом залитый солнцем луг и клюющих носом всадников. Усталые кони, будто тихоходные ладьи, несли их над цветочными волнами. — Маки... правда... странные... синие... — Джалай-Арт широко зевнул, и голова его бессильно упала на грудь. — Никогда... не видал... таких...

— Эй! — тревожно воскликнул Конан, когда не дававшая покоя загадка вдруг разрешилась словно сама собой. — Эй, Джалай-Арт, сын осла, здесь нельзя спать! Выводи лю... Эй, да что с тобой?

Десятник, считавшийся непревзойденным наездником, вдруг неуклюже вывалился из седла и утонул в синем море колыхавшихся под ветром цветов. И Конан, потянувшись к нему, внезапно с ужасом ощутил, как непослушное седло скользит куда-то, словно облитое маслом, а уздечка выпадает из рук.

Удара о землю он уже не почувствовал.

* * *

Ему снился все тот же кошмар; он снова был прикован магической силой к железному столбу, а ядовитая тварь все так же неспешно подбиралась к его голове. Ощущая себя

беспомощным, как скованный цепями узник, киммериец в ярости кромсал ножом кожаные ремни, стягивающие его броню, но с каждым ударом кусок лезвия истаивал, превращаясь не то в бурую пыль, не то в хлопья серого тумана.

Рыча и изрыгая проклятия, Конан в неистовстве молотил сапогами по поверхности монолита, все еще надеясь, что ему каким-то чудом удастся преодолеть невидимые узы. Чуда опять не случилось, но все-таки было в этом сне нечто новое: студенистая тварь облепила шлем Конана, однако сползать ниже почему-то не спешила. Вместо этого она выпустила тонкое прозрачное щупальце, которое, словно в раздумье, покачавшись некоторое время перед глазами киммерийца, ласково прикоснулось к его скуле. И тут, скосив глаза, Конан увидел, как прозрачная ткань щупальцев мгновенно сделалась мутно-алой. В голове у него заполыхал пожар, в ушах зазвенело; щеку как будто прижгли раскаленным железом. Руки киммерийца, вдруг освободившись, сами собой протянулись к разбухшему от крови щупальцу и разорвали его пополам как прогнившую насквозь пеньковую веревку. Конан словно со стороны услышал свой собственный крик, но в последний момент ему показалось, что студенообразное чудовище кричит вместе с ним...

* * *

Огромная черная тень с пронзительным карканьем сорвалась с его груди. Конан чуть приоткрыл глаза и помотал головой, стряхивая остатки кошмара. Он уже пробудился, но боль в щеке не отпускала: будто ткнули туда кинжалным острием или кончиком стрелы. Киммериец провел ладонью под глазом, и на пальцах его осталось кровавое пятно.

Ворон! Ворон, посланец Крома! Но Кром не вмешивается в дела людей... никогда не вмешивается... И все-таки ворон, птица Крома, разбудил его!

Вместе с мыслью о вороне Конан вспомнил и о том, где он и как здесь очутился. Не раздумывая ни мгновенья, он вскочил и, зажав ладонью рот и ноздри, вихрем помчался прочь с этого поля, навевающего кошмарные сны.

Конан, как и положено, оказались выносливей людей. Потеряв своих седоков, они вырвались из объятий медвяного дурмана и теперь паслись за невысоким холмом в каких-то двадцати шагах от губительной маковой реки. Вороной жеребец узнал Конана и добродушно ткнулся мордой ему в плечо.

— Хорошо, что ты здесь, приятель, — пробормотал киммериец, расстегивая подпругу. — Мне понадобится кое-что из твоей сбруи... Ты как, не возражаешь?

Плотная повязка из куска попоны, насквозь провонявшая лошадиным потом, напрочь отбивала дурманящий маковый аромат. Раздвинув заросли синих цветов, Конан обнаружил и своих людей, и своего десятника, свернувшегося клубком на земле; обычно спокойное лицо Джалай-Арта было искажено гримасой ненависти и отвращения, а глазные яблоки под плотно сомкнутыми веками подергивались из стороны в сторону.

— Говорил же я тебе, Джалай-Арт, вороны — мудрые птицы! — под повязкой голос Конана звучал глухо, словно из-под земли. — Не стреляй их и не ешь, ослиная башка!

Теперь он понимал, почему яги предпочитали обходить стороной это место. Разглядев, что туранцы ринулись в маковые поля, они с чистой совестью повернули назад; месть их

завершилась, ибо дурман синих цветов был коварней и смертоноснее, чем их клинки. Что ж, они просчитались! По счастливой случайности? Или тут случайностью и не пахло?

Забросив на плечо своего помощника, киммериец уже было собрался двинуться к холму, как вдруг эта неожиданная мысль заставила его окаменеть. Потом он поднял голову вверх, нашарил взглядом медленно кружившее в небе черное пятно и пробормотал:

— Может, он твой гонец, Кром, а может, простая птица... Кто знает! Но я все равно благодарен тебе... благодарен, пусть даже ты и не слышишь меня...

* * *

Испустив пронзительный клич, огромная птица взмахнула крыльями и стремительно понеслась навстречу исчезающей вдали линии горизонта - обратно, на север. В Киммерию.